

18+

Стивен Марш

Лучше звонить Рихтеру

«Автор»

2026

Марш С.

Лучше звонить Рихтеру / С. Марш — «Автор», 2026

Его имя — Аркадий Рихтер. Золотой адвокат, который не защищает невиновных — он продаёт победу. За бешеные гонорары он превращает улики в пыль, свидетелей — в лжецов, а приговоры — в оправдания. Его офис — заднее сиденье бронированного «Ауруса», его оружие — знание закона как глины, его принцип — цинизм без границ. Но когда очередное дело втягивает его в водоворот коррупции, заказных убийств и кремлёвских интриг, Рихтер понимает: на этот раз ставка — не просто деньги. Его семья, его прошлое и его будущее под прицелом. Чтобы выжить, ему придётся вспомнить, что даже у волка есть стая, а у циника — совесть, которую он давно похоронил. Три части одной саги: от Вязников до Гааги, от нищего мальчишки до вершителя судеб. Игра без правил, ложь во благо и момент, когда справедливость перестаёт быть товаром. Лучше звонить Рихтеру. Потому что правда слишком дорога для бедных, а ложь во благо — это его профессия.

© Марш С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
I ЧАСТЬ. СДЕЛКА С СОВЕСТЬЮ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Стивен Марш

Лучше звонить Рихтеру

Глава

Главный герой — Аркадий Рихтер.

І ЧАСТЬ. СДЕЛКА С СОВЕСТЬЮ

Пролог

Меня зовут Аркадий Рихтер, и я продаю невиновность. Оптом и в розницу. В моем мире, в мире казенных коридоров Пресни и бетонных коробок следственных изоляторов, у всего есть цена. Особенно у правосудия. Моя цена высока, потому что мой товар эксклюзивен — я превращаю дерьмо в шоколад, а явку с повинной, написанную под дулом сломанной психики опера, — в оправдательный приговор.

Я не верю в Бога, в закон я верю еще меньше. Закон — это глина. Влажный, податливый материал в руках того, кто знает, где у него трещины, а где — арматура. Уголовно-процессуальный кодекс — моя библия, но я не верующий, я — толкователь. Софист в дорогом костюме. Моя специализация — безнадежные дела. Те самые, от которых шарахаются приличные адвокаты с почасовой оплатой. Я берусь за клиента, когда улики не просто железобетонные — они уже превратились в надгробную плиту. Я тот парень, который достает отбойный молоток.

Мой офис — это заднее сиденье «Аурус Сенат». Не из тщеславия, а из практичности. «Майбах» слишком пафосный, он раздражает судей, у которых зарплата меньше стоимости его колеса. «Мерседес» S-класса — это для следователей, которые хотят казаться честными. А «Аурус» — это бронированный аргумент. Государственная машина, в прямом и переносном смысле. Когда мой водитель, Леха, бывший опер с Петровки, молча прижимает эту махину к служебному входу суда, у охраны не возникает желания проверять мой портфель. Статус в России — это девяносто процентов защиты. Остальные десять — это знание того, кто из судей любит молоденьких секретарш, а у кого из прокуроров сын сидит на игле.

Сегодняшнее утро началось с визита в «Матросскую Тишину». Не в общую приемку для «адвокатишек», а через внутренний шлюз для спецконтингента, где к тебе обращаются по имени-отчеству, а паспорт смотрят так, будто это фантик от конфеты. Мой новый клиент ждал меня в стеклянном стакане для VIP-заключенных. Его звали Вадим Шелест, и до вчерашнего дня он был финансовым директором крупнейшего благотворительного фонда «Наследие».

Теперь он просто подследственный по статье 159 часть 4. Мошенничество в особо крупном, с ущербом в один миллиард двести миллионов рублей. Деньги собирали на храмы, а нашли их в офшорах на Кипре. Классика жанра, с легким привкусом ладана и лицемерия.

Глава 1

Стекло в комнате для допросов было мутным, но я видел, как Шелест нервно крошит пластиковый стаканчик. Он был бледен, под глазами залегли серые тени, выдававшие бессонную ночь на казенных шконках. Но держался он лучше, чем большинство моих клиентов. Белая рубашка, пусть и мятая, дорогие часы, которые у него пока не отобрали. Порода чувствовалась. Плохая, гнилая порода, но порода.

— Аркадий Борисович, — выдохнул он, едва я переступил порог. Конвоир услужливо закрыл за мной дверь, оставив нас в гулкой тишине. — Спасибо, что так быстро. Мне сказали, что вы лучший. Что вы... решаете вопросы.

Я не сел на прикрученный к полу табурет. Я люблю возвышаться над клиентом в первые минуты. Это задает тон. Я достал из портфеля диктофон, но пока не включал его. Этот разговор должен был пройти в «теневом режиме».

— Для начала, Вадим Эдуардович, давайте кое-что проясним, — мой голос звучал ровно, как у врача, сообщающего диагноз. — Я не решаю вопросы. Я нахожу процессуальные ошибки. Вы платите мне не за то, что я принесу деньги в кабинет следователя. Вы платите мне за то, что я превращу их многотомное дело в решетку. Разница колоссальная. В первом случае вы сядете за дачу взятки и мошенничество. Во втором — вы выйдете через парадный вход под мою гарантию непогрешимости.

Шелест нервно сглотнул. Он был напуган, и это хорошо. Страх делает клиентов сговорчивыми и щедрыми.

— Но вы же понимаете, — начал он, понизив голос до шепота, — там было не просто мошенничество... эти деньги... они действительно ушли на счета...

Я резко поднял ладонь, обрывая его.

— Стоп. С этого момента вы не произносите ни слова о том, куда ушли деньги, пока я не скажу «можно». Поняли? В этом здании даже у стен есть уши. В прямом смысле. Здесь система «прослушка без протокола» работает как часы. Мне не нужно знать, виновны вы или нет. Более того, — я наклонился к самому его лицу, чувствуя запах больничного мыла и пота, — ваш порыв к исповеди — это самое опасное, что есть в моей работе. Мне плевать на истину. Мне нужно знать только одно: что написано в материалах дела, и чего там не написано.

Шелест отшатнулся, но в его глазах мелькнуло что-то похожее на облегчение. Он ожидал моралиста с кодексом чести. А получил циника с прейскурантом. Именно это ему и было нужно. Ему нужен был не адвокат. Ему нужен был киллер. Юридический киллер, работающий по врагам из прокуратуры.

Я сел наконец, закинув ногу на ногу. Достал из кармана пачку «Парламента», но вспомнил, что курить здесь запрещено, и просто покрутил сигарету в пальцах. Желваки на лице Шелеста ходили ходуном.

— Теперь к делу, — сказал я. — Обыски у вас прошли вчера утром. Кто ведет? ГСУ или районка?

— Главное следственное управление, — ответил он, кривя губы. — Следователь Князев. Молодой, злой и абсолютно неподкупный. Зверь в погонах.

Я кивнул. Игорь Князев. Восходящая звезда. Я знал его. Принципиальный дурак. Самый опасный тип врага, потому что он искренне верит в то, что делает, и не имеет ценника. С такими нельзя договориться на понятиях. Их нужно топить в букве закона, заваливать ходатайствами, выставлять идиотами перед судьей. Ну, или искать ключи к тем, кто стоит над ним.

— Хорошо. Один миллиард, говорите? — я усмехнулся. — Гонорар будет обычным: десять процентов от спасенной суммы.

Шелест поперхнулся воздухом.

— Это же сто двадцать миллионов рублей!

— Нет, — я покачал головой, глядя ему прямо в зрачки. — Это моя страховка. Если я беру у вас миллион, для меня это просто работа. Если я беру сто двадцать, я становлюсь вашим соучастником, мотивированным на победу больше, чем вы сами. Мне нужен не гонорар, Вадим. Мне нужна доля в вашей свободе. И, судя по вашей бледной физиономии, вы уже прикинули, что лучше потерять десять процентов, чем сидеть в камере, где вас завтра начнут прессовать за долю в «общаке».

Он молчал минуту. Потом медленно кивнул.

— Договорились. Но как вы собираетесь... это сделать? У них есть все: платежки, офшорные компании, показания моего бухгалтера.

Я достал из портфеля тонкую папку, которую подготовил на основе слитых мне данных из канцелярии суда еще вчера вечером. Люблю работать с опережением.

— Видите эту бумагу? — я показал ему копию постановления о возбуждении уголовного дела. — Здесь подпись заместителя начальника ГСУ. Знаете, в чем проблема? В деле фигурирует фонд «Наследие», но фонд зарегистрирован как религиозная организация. Чтобы возбудить дело против руководства религиозного фонда по экономическому составу, требуется отдельное разрешение от Министерства юстиции. Князев не запросил это разрешение, потому что он считает ваш фонд просто ширмой для отмывания.

Я сделал паузу, наслаждаясь тем, как лицо Шелеста постепенно оживает.

— Вы хотите сказать, что всё дело...

— Дело развалится на корню, — перебил я. — Но только если мы сыграем правильно. Мы не будем подавать это ходатайство сейчас. Нет. Мы дадим им арестовать счета. Мы дадим Князеву предъявить обвинение. Мы позволим им пройти точку невозврата. И только за день до избрания меры пресечения я положу эту бумагу на стол судьи. Это называется «процессуальная мина». Реабилитирующее основание, обнаруженное адвокатом. Дело — хлам. Но чтобы оно превратилось в пыль, нам нужно, чтобы они вложили в него максимум сил. Пусть запачкаются по локоть.

Я встал и поправил запонки.

— Готовьте деньги. Не наличкой, это глупость. Крипта, через номинального держателя в Дубае. Схему сбросит мой помощник. И еще: сегодня к вам придет подполковник из УСБ. Он предложит сделку. Попросит слить тех, кто «крышевал» фонд в Думе. Пошлите его. Вежливо, но твердо. Вы имеете право хранить молчание. Всё, что вы скажете сейчас, выльется в новую статью за дачу взятки должностному лицу. А я не могу защищать болтливого дурака.

Я постучал в дверь, вызывая конвоира. Шелест сидел, переваривая информацию. Из напуганного олигарха он превращался в хищника, у которого появился план. Это хорошо. Агрессивный клиент — защищаемый клиент.

Когда бронированная дверь за моей спиной захлопнулась, и я пошел по гулкому коридору следственного изолятора, в кармане завибрировал телефон. Это был не мой личный. Это был «чистый» одноразовый слот, номер которого знали только трое.

СМС была короткой: **«Ваш автобус горит. Советую не брать билет. Д.»**.

Я остановился у окна, выходящего во внутренний двор тюрьмы, и перечитал сообщение. Д. — это Денис. Мой «крот» в Департаменте собственной безопасности ФСБ. Автобус на их сленге означал клиента.

Мой клиент, с которым я только что заключил сделку на десять процентов от миллиарда, был меченым. Кто-то на самом верху уже списал Вадима Шелеста в утиль.

Это означало, что реальная игра только начиналась. И защищать нужно будет не только кошелек клиента, но и собственную шкуру. Я снова глянул на сообщение, усмехнувшись своему отражению в грязном стекле. Что ж, в Уголовном кодексе нет статьи за «превышение меры цинизма». А если бы и была, я бы уже давно сидел пожизненно.

— Леха, заводи, — сказал я в гарнитуру, ускоряя шаг к выходу. — Мы едем в храм.

— В храм, Аркадий Борисович? — удивился водитель.

— Да. Грехи замаливать. И искать нового свидетеля. Того, кто носит рясу, но думает как дьявол.

«Аурус» мягко тронулся, разрезая слякотный московский вечер. Где-то в недрах Лубянки уже, наверное, печатали постановление о прослушке моего кабинета. Но они забыли главное: мой кабинет всегда в движении. И на ходу меня не достать.

Глава 2

Храм Святителя Николая на Трех Горах встрел меня запахом ладана и запустения. Здесь не было золотых куполов, сияющих на солнце, и чинных бабушек в платочках. Это была старая, почерневшая от времени церковь, зажата между элитным жилым комплексом и реновированным бизнес-центром. Архитектурный аппендицит, который забыли вырезать ради застройки. Именно такие места я любил больше всего. В тени амвонов прячутся самые интересные грехи.

Внутри царил полумрак. Свечной ящик пустовал. Единственным звуком был негромкий скрип половиц под моими туфлями ручной работы. Я не был в церкви лет пятнадцать, с тех пор как мать пыталась вымолить для меня прощение за развод с первой женой. Прощения не случилось, как и наследства от тестя.

Из-за колонны, увитой искусственным плющом, бесшумно вышел человек в рясе. Отец Михаил. В миру — Михаил Аркадьевич Берг, бывший аудитор Счетной палаты, ушедший в религию сразу после громкого дела о хищении бюджетных средств на строительство перина-

тальных центров. Тогда он чудом избежал скамьи подсудимых, списав всё на нервный срыв и божественное озарение. Я знал его еще по той, светской жизни. Талантливый финансист с душой вора и мозгами шахматиста.

— Аркадий, — его голос звучал сухо, как шорох старых страниц. Он не был рад меня видеть. — Ты все-таки пришел. А я уж думал, обойдется.

— Обойдется без чего? Без визита старого друга? — я развел руками, демонстрируя пустые ладони. — Я без диктофона, Миша. Я просто поговорить. Как в старые добрые, когда ты еще не носил это платье, а коньяк мы пили не для причастия.

Он дернул щекой. Нервный тик, который не смогла излечить даже семинария. Я попал в точку. Берг боялся. И его страх пах куда сильнее ладана.

— Ты про Шелеста, — произнес он тихо. — Про фонд «Наследие».

— Я про миллиард двести, Миша. Про деньги, которые жертвовали пенсионеры на восстановление колоколен, а оседали в кипрском офшоре «Омега-Траст». Ты ведь был духовником Вадима Эдуардовича. И, по совместительству, независимым аудитором фонда до того, как на тебя снизошла благодать.

Берг быстро перекрестился, но его глаза оставались холодными и цепкими. Глазами бухгалтера, который видит двойную запись там, где обычный человек видит только цифры.

— Я не имею к этому отношения. Все документы были чисты, когда я уходил. Спроси у Князева, он изъял всю бухгалтерию.

— Документы — да, — согласился я, сделав шаг вперед. Мой голос эхом разнесся под сводами храма. — Но ты забыл про устный аудит. Ты знал каждого жертвователя. Знал схемы движения средств, знал откаты. А главное — ты знаешь, кому на самом деле принадлежал этот чертов фонд. Потому что Шелест — просто ширма. Пешка, которую двигали большие дяди с погонами и без.

Я замолчал, давая тишине сделать свою работу. Тишина — лучший следователь. Она давит сильнее любого допроса с пристрастием.

— Чего ты хочешь? — наконец выдал священник.

— Список, — я вытащил из внутреннего кармана пиджака сложенный лист бумаги. — Имена реальных бенефициаров. Тех, кто распределял потоки. Тех, кто дал команду «фас» на Шелеста, когда запахло жареным. Если мы повесим это на покойников из Совета Федерации и пару полковников из ФСБ, то твой духовный сын Вадим выйдет на свободу, а ты останешься чистым перед Богом и Уголовным кодексом.

— Ты сумасшедший, — прошептал Берг, отступая к алтарю. — Ты не понимаешь, с кем пытаешься играть. Это не люди. Это система. За «Наследием» стоят такие силы, что тебя раздавят, как таракана, и даже некролог не напечатают.

— А ты подумай, Миша, — я улыбнулся своей самой обаятельной улыбкой, той, что приносила мне оправдательные приговоры и лучшие номера в отелях. — Если система настолько всесильна, почему она бросила на съедение Князеву именно Шелеста? Почему бы им не убрать и тебя? Ты — единственный, кто знает правду о происхождении капитала. Ты — «нулевой пациент». И как только Шелеста закроют в СИЗО, следующим будешь ты. Монастырская стена не спасет от пули снайпера, если ты стал свидетелем.

Он побледнел. На лбу выступила испарина. Я знал этот момент. Момент, когда клиент или свидетель перестает врать и начинает торговаться. Страх смерти — лучший катализатор истины.

— У меня есть копии, — сдался он, понизив голос до шепота. — Я хранил их в банковской ячейке. В «Промсвязьбанке», ячейка 314. Там черная бухгалтерия фонда за последние три года. Проводки, подписи, счета. Там всё. Но, Аркадий... — он схватил меня за рукав, его пальцы дрожали. — Там есть подписи людей, которых ты даже боишься произносить вслух. Ты уверен, что хочешь туда лезть?

Я высвободил руку. Уверен ли я? Конечно, нет. Но это и не имело значения. В моей профессии уверенность — это синоним глупости. Я действовал не на основе уверенности, а на основе математического расчета рисков. И прямо сейчас риск бездействия был выше риска действия.

— Ячейка оформлена на твое имя? — спросил я.

— На имя моей покойной матери, — Берг усмехнулся, впервые за весь разговор показав зубы. — Я же не идиот.

Я кивнул и направился к выходу. У самых дверей обернулся.

— И вот еще что, святой отец. Помолись за меня. Если я не выйду на связь через двадцать четыре часа, отдай копии журналистам из «Новой Газеты». Всем сразу. Это будет твоя индульгенция.

Я вышел на улицу, где меня ждал Леха, прогревающий мотор. Москва уже погрузилась в синие сумерки, и в окнах высоток зажигались квадраты искусственного света. Я сел в машину, откинулся на кожаное сиденье и почувствовал, как по спине пробежал холодок. Не от страха, нет. От азарта. Игра началась, и ставки только что взлетели до небес.

— В банк, — бросил я водителю. — И поезжай через Садовое. Мне нужно проверить, нет ли хвоста.

Глава 3

«Промсвязьбанк» встретил меня вежливым менеджером и запахом денег. Запах денег — это смесь озона от оргтехники и дорогого освежителя воздуха с ароматом сандала. Мне нравился этот запах. Он пах победой.

Ячейка 314 находилась в подвальном хранилище, куда меня проводил молчаливый охранник. Никаких лишних глаз, никаких камер (я проверил, пока спускался по лестнице). Берг знал, что делал, когда выбирал банк.

Я открыл металлическую дверцу ключом, который священник незаметно сунул мне в руку во время нашего прощания. Внутри лежала черная кожаная папка, разбухшая от бумаг. Я достал ее и почувствовал тяжесть. Не физическую — информационную. В этой папке была смерть. Смерть карьер, смерть репутаций, а возможно, и смерть людей. В моих руках был ядерный чемоданчик.

Вернувшись в машину, я сразу открыл папку. В свете потолочного плафона «Ауруса» заплясали тени от цифр и букв. Я пролистывал страницы одну за другой, и мои брови ползли вверх. То, что я видел, превосходило самые смелые ожидания. Это была не просто черная бухгалтерия. Это был скелет российской власти, разложенный по косточкам.

Фонд «Наследие» был не благотворительной организацией. Это был гигантский пылесос, собиравший «грязные» деньги со всей страны. Деньги от гособоронзаказа. Деньги от нацпроектов. Деньги от откатов на строительстве газопроводов. Всё это стекалось в фонд под видом «пожертвований», отмывалось через сеть офшоров и возвращалось в Россию уже в виде «иностранных инвестиций» в элитную недвижимость. А на верхушке этой пирамиды сияли имена, от которых у меня перехватило дыхание. Два генерала ФСБ, один заместитель министра финансов, сенатор от Уральского округа и... начальник Следственного комитета Москвы, Воронов.

Тот самый Воронов, который вчера давал пресс-конференцию о борьбе с коррупцией.

— Вот оно что, — прошептал я, перелистывая последнюю страницу. — Вот почему Князев так спешит закрыть Шелеста. Он не просто «принципиальный дурак». Он — цепной пес Воронова. Воронов сливает своего же подчиненного-финансиста, чтобы замести следы. Шелест — козел отпущения.

В этот момент в дверь машины вежливо постучали. Я вздрогнул. Леха, сидевший за рулем, напрягся, его рука дернулась к бардачку, где, как я знал, лежал травматический пистолет, переделанный под боевой.

За окном стоял человек. Высокий, худощавый, в длинном черном пальто, несмотря на то, что на улице было не холодно. Седые виски и хирургически точный пробор. Глаза — как два осколка антрацита. Он не был полицейским. Слишком дорогая ткань пальто, слишком уверенная поза.

Я опустил стекло на треть. Достаточно, чтобы разговаривать, недостаточно, чтобы в меня можно было выстрелить.

— Добрый вечер, Аркадий Борисович, — произнес незнакомец мягким, обволакивающим голосом. — Простите за беспокойство. Позвольте представиться: Илья Громов. Я представляю интересы людей, которые очень обеспокоены вашей текущей активностью.

Я промолчал, разглядывая его. Громов не был похож на головореза. Скорее на профессора философии, который в свободное время коллекционирует редкие вина и чужие души. Опасный тип. Самый опасный.

— Папка, которую вы держите в руках, — продолжил он, даже не пытаясь заглянуть внутрь салона, — является собственностью моих клиентов. Они были бы крайне признательны, если бы вы вернули ее. В обмен на это они готовы забыть о вашем участии в деле Шелеста и даже обеспечить вам выигрышный процесс. Так сказать, почетную капитуляцию с сохранением лица.

— А если я откажусь? — спросил я с улыбкой.

Громов улыбнулся в ответ. Это была улыбка рептилии, заглатывающей добычу.

— Тогда, боюсь, мы не сможем гарантировать вашу безопасность. Как и безопасность вашей бывшей жены, которая живет на Патриарших, и вашей дочери, студентки МГИМО. Мир тесен, Аркадий Борисович. И в этом мире не принято воровать то, что тебе не принадлежит.

Внутри меня что-то оборвалось. Холодное, расчетливое бешенство поднялось от желудка к горлу. Я привык к игре без правил. Но правило номер один всегда соблюдалось: семья — не трогать. Это было табу, которое не нарушали даже самые отмороженные бандиты из девяностых. А эти «люди в погонах», похоже, забыли об элементарном кодексе чести. Если у них вообще был кодекс.

— Передайте вашим клиентам, — произнес я, и мой голос прозвучал как лязг взводимого курка, — что я только что увеличил свой гонорар. Теперь это не просто дело. Это личное. И если хоть волос упадет с головы моей дочери или бывшей жены, я превращу содержимое этой папки в прямую трансляцию на Первом канале. У меня есть связи не только в криминале, господин Громов. У меня есть связи в медиа. А теперь прошу прощения, мне нужно работать.

Я закрыл окно, не дожидаясь ответа, и приказал Лехе трогаться. «Аурус» рванул с места, оставляя фигуру в черном пальто позади.

— Это было опрометчиво, Аркадий Борисыч, — пробормотал водитель, глядя в зеркало заднего вида. — Очень опрометчиво. Это люди Воронова. Они не шутят.

— Знаю, Леха, — я откинулся на сиденье, чувствуя, как вибрирует в кармане одноразовый телефон. Новое сообщение от моего крота Дениса. — Но я тоже не шучу. Поехали в офис. Пора готовить бомбу.

Я открыл сообщение. Оно было еще короче предыдущего: **«Завтра в 6 утра. Обыск у тебя. Ищут наркотики. Будь готов».**

Подстава. Классическая схема: сфабрикованное дело о хранении наркотических веществ. Лишение адвокатского статуса, арест, изоляция от клиента. А потом несчастный случай в СИЗО. Дешево и сердито.

Я усмехнулся. Они думали, что загнали меня в угол. Но они забыли, что я — Аркадий Рихтер. И я не тот адвокат, который защищается. Я тот адвокат, который атакует.

Я набрал номер.

— Алло, Петрович? Это Рихтер. Готовь студию. Завтра в девять утра мы записываем обращение. Нет, не для суда. Для всего мира. Нам понадобится прямой эфир на YouTube и

резервное размещение на «Дожде». И найди мне лучшего специалиста по шифрованию данных. Мы запускаем обратный отсчет.

Я отключился и посмотрел в окно на пролетающие огни ночной Москвы. Где-то там, в своих кабинетах, Воронов и его подельники еще не знали, что их время истекло. Я больше не защищал Шелеста. Я вел войну. А на войне, как и в суде, главное — оставить за собой последнее слово. И у меня это слово было написано на каждой странице черной папки, лежавшей у меня на коленях.

— Ну что ж, господа присяжные, — прошептал я сам себе. — Давайте танцевать.

Глава 4

Офис, который я называл «Убежище», располагался в неприметном переулке на Таганке. Это была квартира на первом этаже старого кирпичного дома, переоборудованная под юридическую контору с пуленепробиваемыми стеклами и автономной системой подачи воздуха. Шутка. Системы подачи воздуха не было, но бронестекла были настоящими. Как и «тревожная кнопка» с выходом на частную охранную фирму, принадлежавшую отставному подполковнику ГРУ.

В три часа ночи в офисе горела только настольная лампа. Я сидел за дубовым столом и раскладывал пазл из документов. Папка Берга была оцифрована, зашифрована по протоколу AES-256 и разослана на три защищенных сервера в Швейцарию, Израиль и Сингапур. Еще одна копия ушла на анонимный почтовый ящик журналиста-расследователя из «Важных историй». Я не доверял журналистам, но использовал их как детонатор. Если меня задержат, компромат рванет автоматически — таймер отложенной публикации был уже запущен.

В кресле напротив сидел Леха. Он методично разбирал и смазывал травматический «Гроза-021», переделанный под боевой патрон. В тишине шелканье затвора звучало как метроном, отсчитывающий оставшееся до рассвета время.

— Они придут в шесть, — произнес я, не отрываясь от схемы, которую чертил в блокноте. — Постановление об обыске у них уже есть. Санкция суда, естественно, получена задним числом. Наркотики принесут с собой в опечатанном конверте, чтобы подбросить в вентиляцию или за батарею. Классика жанра. Два понятых — из числа стажеров наркоконтроля. Мы должны их встретить так, чтобы они провалились в собственную яму.

Леха усмехнулся. У него было лицо человека, который двадцать лет прослужил в органах, а потом узнал о них правду и запил. Но пить он бросил. Осталась только тихая, бесконечная ярость.

— Может, просто не пустить? Вызвать адвоката, зафиксировать нарушения...

— Нет, — покачал головой я. — Если мы их не пустим, они придут снова. И снова. Пока не найдут способ. Я должен дать им провести обыск. Но так, чтобы каждая секунда их присутствия работала против них. Нам нужно, чтобы они подкинули дурь. И чтобы это было зафиксировано.

Я встал и подошел к окну. За бронированным стеклом переулок был пуст, только мокрый асфальт блестел в свете фонаря. Где-то в этом городе моя дочь спала в своей квартире на Патриарших. Моя бывшая жена рядом с ней. Я вытащил из кармана телефон и еще раз проверил сообщение от человека, которому платил за их охрану. «Объекты под наблюдением. Периметр чист». Это немного успокаивало. Немного.

— У нас проблема посерьезнее, Аркадий Борисыч, — Леха отложил пистолет и вытер руки ветошью. — Стукач Денис написал, что вместе с ментами к вам едет спецгруппа из «Вымпела». Якобы для силовой поддержки. Какого хрена им спецназ?

Я нахмурился. Спецгруппа — это не просто обыск. Это захват. Значит, Воронов решил действовать на опережение. План был прост: подбросить наркотики, объявить меня наркоторговцем, взять под стражу прямо в квартире и вывезти в неизвестном направлении. А там —

давление, угрозы, несчастный случай. Черная папка осталась бы без хозяина, а Шелест — без защиты.

— Значит, так, — я развернулся к столу и взял диктофон. — Меняем схему. Обыск будет проходить здесь. В офисе, а не дома. Дома у меня пусто, там им делать нечего. А здесь есть камеры. Много камер.

Я указал на три объектива, скрытых в книжных полках, потолочном светильнике и корпусе кондиционера. Система видеонаблюдения была замкнута на удаленный сервер, доступ к которому имел только я и мой IT-специалист — тот самый Петрович, бывший хакер из группировки «Шалтай-Болтай», ныне работающий на меня за очень хорошие деньги.

Ровно в пять утра в дверь позвонили. Мы с Лехой переглянулись. Я нажал кнопку селектора.

— Кто?

— Курьерская доставка, — раздался сонный голос. — Вам пакет от компании «Гарант-экспресс».

Я усмехнулся. Курьерская доставка в пять утра. Даже для Москвы это перебор. Я сделал знак Лехе. Он бесшумно встал у двери, снял оружие с предохранителя. Я нажал кнопку открытия замка, но дверь не открыл, а лишь чуть приоткрыл, оставаясь за бронированной цепочкой.

На пороге стоял парень в униформе. В руках он держал коробку. За его спиной, в полумраке лестничной клетки, я заметил движение. Тени. Много теней.

— Оставьте под дверью, — спокойно произнес я.

— Мне нужна подпись получателя, — упрямо сказал курьер.

— Тогда подождите.

Я сделал шаг назад и громко произнес: «Леха, вызывай полицию. К нам ломятся неизвестные». Это был сигнал. В ту же секунду курьер отпрыгнул в сторону, а дверь с грохотом выбили тараном. В проем хлынули люди в черной форме и масках, с криками «Всем стоять! ФСБ!».

Но я уже не стоял. Я отошел вглубь кабинета, встал на заранее отмеченную точку на полу и поднял руки, держа в одной из них смартфон с включенной трансляцией. Петрович уже вывел картинку в прямой эфир на закрытый канал в Telegram, где находились представители адвокатской палаты, правозащитники и пара иностранных дипломатов, симпатизировавших оппозиции.

— Господа офицеры, — мой голос звучал ровно, перекрывая шум. — Я адвокат Аркадий Рихтер. Адвокатская неприкосновенность. Предъявите постановление об обыске. В противном случае ваши действия являются незаконным проникновением в жилище и покушением на нарушение адвокатской тайны. Всё происходящее транслируется в сеть в режиме реального времени.

Один из спецназовцев, видимо старший, замер на секунду. Потом опустил автомат и достал из нагрудного кармана сложенную бумагу.

— Постановление об обыске в офисе адвоката Рихтера А.Б., — рявкнул он. — Подписано судьей Мосгорсуда Петровским.

Я взял бумагу, пробежал глазами. Всё было на месте: печать, подпись, номера. Но я знал, что это фальшивка. Петровский не мог подписать такое, потому что еще вчера я отправил ему через секретаря бутылку коньяка с поздравлением по случаю дня рождения его матери. А он не дурак, чтобы брать взятки, когда объявлена война компроматов. Нет, постановление было липовым, но выглядело идеально. Что ж, это упрощало дело.

— Проходите, — я сделал приглашающий жест. — Только предупреждаю: в помещении ведется видеофиксация. Понятых прошу предъявить документы.

Двое статистов в штатском, изображавших понятых, неуверенно переглянулись. Они явно не ожидали, что адвокат будет так спокоен. Оперативники рассыпались по комнате,

начали вскрывать шкафы, перетряхивать папки с делами. Я стоял и наблюдал, фиксируя каждое движение. По закону они не имели права изымать адвокатские досье, но кто будет соблюдать закон при обыске по сфабрикованному делу?

— Вот! — вдруг вскрикнул один из оперативников, вытаскивая из вентиляционного отверстия прозрачный пакет с белым порошком. — Наркотическое средство!

Он поднял пакет над головой, демонстрируя коллегам. Понятые закивали. Я улыбнулся. Это был тот самый момент, ради которого я не спал всю ночь.

— Прошу прощения, господин офицер, — произнес я, делая шаг вперед. — Прежде чем вы упакуете это вещество в конверт, не могли бы вы показать пакет поближе к камере?

Оперативник нахмурился, но поднес находку к объективу. В свете софитов было отчетливо видно, что на пакете ярко-красным маркером написаны цифры: «314». Тот самый номер банковской ячейки, из которой я вчера извлек папку Берга.

— Видите, господа понятые, — громко сказал я, — на пакете имеется маркировка, которую я нанес лично вчера вечером в присутствии свидетеля. Я никогда не хранил наркотики. Но я ожидал провокации и пометил муку, которую насыпал в пакет вместо стирального порошка. Да, это мука высшего сорта. Можете провести экспресс-тест. Кроме того, — я повернулся к старшему, — у меня имеется видеозапись, как неизвестный в форме сотрудника ФСБ проник в это помещение накануне вечером и подбросил пакет в вентиляцию. Запись уже передана в Следственный комитет и в Службу собственной безопасности ФСБ.

Лица оперативников вытянулись. Понятые побледнели. Старший выругался сквозь зубы. Я продолжал:

— Таким образом, вы все являетесь соучастниками преступления, предусмотренного статьей 303 УК РФ «Фальсификация доказательств». Рекомендую вам немедленно прекратить незаконные действия, покинуть помещение и явиться с повинной. В противном случае через час во всех СМИ появятся эти кадры с вашими лицами.

В комнате повисла тишина. Оперативники переглядывались, не зная, что делать. Их план рухнул. Наконец старший махнул рукой: «Сворачиваемся. Уходим». Они начали поспешно собираться. Я проводил их до двери, не переставая улыбаться.

— Передайте привет Илье Громову, — сказал я напоследок. — И скажите ему, что теперь он должен мне за моральный ущерб.

Когда за последним спецназовцем захлопнулась дверь, Леха облегченно выдохнул.

— Ну, вы дадите, Аркадий Борисыч. Всю малину им испортили.

Я вернулся к столу и налил себе стакан воды. Руки слегка дрожали от выброса адреналина, но лицо оставалось спокойным.

— Это была только разведка боем, Леха. Воронов не ожидал, что мы окажемся готовы. Теперь они попытаются надавить через суд. Через час слушание по мере пресечения Шелесту. Вот там и решится, кто кого.

Я посмотрел на часы. Шесть тридцать утра. Пора было выдвигаться в суд. Начинался второй раунд.

Глава 5

Зал суда был забит до отказа. Пресненский районный суд Москвы не привык к такому ажиотажу, но дело Шелеста всколыхнуло всю окол властную тусовку. В первых рядах сидели журналисты, дальше — представители дипломатического корпуса, какие-то мрачные мужчины с военной выправкой. Я вошел в зал в черном костюме от Бриони, с портфелем, в котором лежала папка Берга, распечатанная в одном экземпляре.

Мой клиент уже сидел в «аквариуме» — стеклянной клетке для подсудимых. Он выглядел уставшим, но не сломленным. Встретив мой взгляд, он едва заметно кивнул. Я сел за стол защиты и положил перед собой тонкую папку с ходатайством. Основной документ — требова-

ние о признании постановления о возбуждении уголовного дела незаконным — ждал своего часа.

Судья — пожилая женщина в мантии, с усталым лицом и острыми глазами — объявила заседание открытым. Слово взял прокурор. Он говорил долго и нудно, перечисляя эпизоды мошенничества, суммы, офшоры. Потом выступил следователь Князев. Молодой, подтянутый, с фанатичным блеском в глазах. Он говорил, что Шелест представляет угрозу обществу, может скрыться, уничтожить доказательства, и требовал ареста.

Когда настала моя очередь, я поднялся медленно, поправил галстук и улыбнулся судье.

— Ваша честь, прежде чем обсуждать меру пресечения, я ходатайствую о признании незаконным самого факта возбуждения уголовного дела. Постановление о возбуждении, вынесенное следователем Князевым, — плод юридической безграмотности. Оно нарушает фундаментальные основы уголовно-процессуального закона.

Прокурор вскочил: «Протестую! Защита пытается затянуть процесс!» Но судья жестом остановила его и посмотрела на меня: «Обоснуйте».

Я взял в руки копию постановления.

— Согласно статье 146 УПК РФ, уголовное дело может быть возбуждено только при наличии повода и основания. Основание — достаточные данные, указывающие на признаки преступления. Но в чем здесь преступление? Следствие утверждает, что имело место мошенничество в составе организованной группы. Однако фонд «Наследие» — это религиозная организация, зарегистрированная в Министерстве юстиции. Согласно Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях» и разъяснениям Пленума Верховного Суда, уголовное преследование руководителей религиозных организаций по экономическим составам требует обязательного согласования с Министерством юстиции РФ. Это специальная процедура, установленная для защиты религиозных свобод.

Я сделал паузу, глядя на судью. Она нахмурилась и начала листать Уголовно-процессуальный кодекс.

— Следователь Князев, — продолжил я, — проигнорировал этот порядок. Он не запрашивал заключение Минюста. Более того, на момент возбуждения дела у него не было данных о том, что фонд «Наследие» не является религиозным. Он действовал самоуправно. Следовательно, все доказательства, собранные в рамках этого дела, включая протоколы обысков, допросы свидетелей, являются недопустимыми. Плоды отравленного дерева, ваша честь. Если корень гнилой, то и плоды несъедобны.

Я положил на стол судьи официальный запрос в Минюст и ответ, в котором говорилось, что никакого заключения в отношении фонда «Наследие» ведомство не давало. Этот документ я получил еще вчера, используя старые связи в аппарате министерства.

Князев вскочил с места:

— Это формальность! Мы готовы направить запрос сейчас, но подозреваемый должен находиться под стражей!

— Формальность? — я развернулся к нему, и мой голос зазвенел металлом. — Уголовный кодекс для вас — формальность? Права человека — формальность? Вы, господин майор юстиции, нарушили закон на стадии возбуждения дела. Вы проявили преступную халатность или намеренное беззаконие. И я настаиваю на вынесении частного определения в ваш адрес. А вопрос о возбуждении дела законным путем может быть рассмотрен после получения необходимых согласований. Но сейчас перед вами незаконно преследуемый человек.

Судья смотрела то на меня, то на прокурора. Тишина в зале звенела. Затем она медленно произнесла:

— Суд удаляется для вынесения решения.

Мы ждали сорок минут. Я сидел неподвижно, как статуя. Шелест в «аквариуме» нервно теребил пуговицу. Наконец судья вернулась. Она зачитала резолютивную часть:

— Признать постановление о возбуждении уголовного дела в отношении Шелеста Вадима Эдуардовича незаконным. В удовлетворении ходатайства следствия об избрании меры пресечения отказать. Шелеста освободить из-под стражи в зале суда.

Зал взорвался гулом. Журналисты бросились к выходу — срочно сдавать новости. Князев стоял с каменным лицом, прокурор что-то возмущенно говорил в телефон. Я подошел к «аквариуму», где конвоиры уже открывали замок. Шелест вышел и пожал мне руку. Его ладонь была влажной.

— Вы сделали это, — прошептал он. — Вы вытащили меня.

— Мы только начали, — тихо ответил я. — Вас отпустили по процессуальным основаниям. Это не оправдание. Они перезапустят дело, как только получат бумажку из Минюста. Наша цель — дожать их, пока они в нокдауне. Но для этого вы должны исчезнуть на время. Не домой. Там вас встретят журналисты и, возможно, новые оперативники. Сейчас сюда подъедет мой человек, он отвезет вас в безопасное место. И никому ни слова.

Шелест кивнул и быстро ушел в сопровождении моего помощника. Я собрал бумаги и вышел в коридор. У окна стоял Илья Громов. Тот самый, из черного пальто. Он не выглядел расстроенным. Скорее заинтересованным.

— Bravo, Аркадий Борисович, — произнес он, не поворачивая головы. — Эффектный ход. Но вы же понимаете, что это лишь отсрочка. Минюст даст заключение через неделю. И тогда мы вернемся.

— За эту неделю многое может случиться, — ответил я, поравнявшись с ним. — Например, содержимое банковской ячейки 314 может стать достоянием общественности. А там столько интересных фамилий... Ваша в том числе, господин Громов.

Он улыбнулся ледяной улыбкой.

— Вам никто не поверит. Это будут слова без доказательств.

— Доказательства уже у журналистов. И у нескольких моих коллег за границей. Если со мной что-то случится, они автоматически опубликуют всё. Я называю это «страховкой честного адвоката». Передайте господину Воронову, что я предлагаю сделку. Он оставляет в покое Шелеста и меня, закрывает дело за отсутствием состава. А я оставляю папку у себя в сейфе. Навсегда. В противном случае — война. А войну с прессой, как вы знаете, еще никто не выигрывал.

Громов молчал. Потом чуть наклонил голову.

— Я передам. Но не советую вам обольщаться. Система не прощает шантажа.

— А я не прощаю угроз моей семье, — отрезал я и пошел к выходу.

На улице светило холодное февральское солнце. Леха ждал в «Аурусе» с включенным обогревом. Я сел на заднее сиденье, откинулся и закрыл глаза. Бой был выигран, но война только разгоралась. Воронов и его покровители не сдадутся. Им нужна эта папка. И они пойдут на всё.

Мой телефон зажужжал. Сообщение от дочери: «Папа, у меня всё хорошо. Спасибо, что прислал людей. Они очень вежливые». Я улыбнулся и написал в ответ: «Держись поближе к ним. Скоро всё закончится».

Я не знал, закончится ли. Но одно знал точно: пока я дышу, я буду той самой занозой в заднице системы, которую невозможно вытащить. Потому что я — Аркадий Рихтер. Золотой адвокат. И мои клиенты всегда выходят сухими из воды. Даже если вода — это бездна коррупции и беззакония.

— Домой, Аркадий Борисыч? — спросил Леха.

— Нет, — я открыл глаза и посмотрел на часы. — Поехали в «Матросскую Тишину». У меня там новый клиент. Говорят, мэр небольшого города украл детскую площадку. Банально, но платит золотом.

«Аурус» мягко тронулся, увозя меня в новый день, полный битв за правду, которая всегда была лишь вопросом цены.

Глава 6

Две недели после освобождения Шелеста походили на шахматную партию, в которой мой противник делал ходы, невидимые глазу, но ощутимые каждой клеткой тела. Воронов не отвечал на мое предложение о перемирии, не угрожал, не присылал людей в черных пальто. Он действовал тоньше. Сначала заблокировали счета моей конторы. Все до единого. Формулировка — «подозрение в финансировании экстремистской деятельности». Потом в мою приемную нагрянула налоговая с проверкой за последние три года. Потом водитель Леха сообщил, что его вызвали в военкомат для уточнения данных, хотя ему было сорок пять и он давно в запасе. Классическая бюрократическая осада. Воронов не штурмовал стены моего офиса — он перекрывал кислород.

Но у меня был кислородный баллон. Папка. И я знал, что пора открывать вентиль.

Утром пятнадцатого дня я сидел в маленькой кофейне на Чистых прудах, куда никогда не заходили юристы и федеральные чиновники. За угловым столиком меня ждал человек с лицом бульдога и погонами генерал-лейтенанта ФСБ в отставке. Он назвался Александром Евгеньевичем Кольцовым. Я навел справки: до своей внезапной отставки три года назад он курировал экономическую контрразведку, а потом попал в опалу из-за конфликта с кланом Воронова. В той войне он проиграл, но сохранил связи, обиду и желание реванша.

— Вы понимаете, Аркадий Борисович, что Воронов вас сожрет? — произнес Кольцов, помешивая ложечкой эспresso. Голос у него был низкий, с хрипотцой заядлого курильщика. — Он не может допустить, чтобы адвокат шантажировал главу московского Следственного комитета. Это вопрос не денег, а статуса. Система такого не прощает.

— Поэтому я и пришел к вам, — ответил я, доставая из портфеля тонкую пластиковую папку. — Здесь не всё, но достаточно, чтобы запустить процесс. Финансовые схемы фонда «Наследие», откаты на строительстве метро, счета в швейцарских банках, принадлежащие зятю Воронова. А главное — переписка, из которой следует, что именно Воронов дал указание слить Шелеста, чтобы замести следы. Мне это неинтересно. Я хочу только одного: чтобы меня и мою семью оставили в покое, а дело Шелеста закрыли раз и навсегда. Помогите мне надавить на Воронова так, чтобы он сам ушел в отставку и забыл о моем существовании. А я передам вам оригиналы. Вы сможете использовать их в своей аппаратной игре.

Кольцов усмехнулся, обнажив желтые от табака зубы. Он долго молчал, потом кивнул:

— Допустим, я смогу организовать утечку части материалов через доверенных журналистов. Не «Важные истории» — слишком одиозно. Нужен респектабельный канал, например, телеграм-канал, близкий к Администрации Президента, но имеющий репутацию объективного. Информация будет подана как внутренняя борьба с коррупцией. Воронову предложат написать рапорт по собственному желанию. Если он откажется — материалы уйдут напрямую в Следственный комитет России по Центральному аппарату. Там у меня остались ученики.

— А гарантии? — я посмотрел ему в глаза.

— Гарантии? — Кольцов хмыкнул. — Моя гарантия — это моя месть. Я ждал этого три года. Вы, адвокат, просто подвернулись под руку. Но если хотите формальностей — завтра вам придет курьер с копией приказа об отмене постановления о возбуждении дела против вас и Шелеста. И с уведомлением о снятии блокировки со счетов. Это будет мой аванс.

Мы расстались на улице. Я смотрел, как генерал садится в неприметный «Фольксваген» и исчезает в потоке машин. План был рискованный, но просчитанный. В мире российских элит война компроматов — единственное, что работает. И я только что превратился из мишени в союзника одной из башен Кремля. Пусть временного, пусть ненадежного, но союзника.

Глава 7

События понеслись галопом. Через три дня в ведущих Telegram-каналах появились скриншоты документов, компрометирующих «группу товарищей» из Следственного комитета. Не сразу назывались фамилии, но по намекам («руководитель одного из столичных главков», «фигурант дела фонда „Наследие“») все понимали, о ком речь. Затем федеральный канал в вечернем эфире показал сюжет о расследовании хищений в благотворительном фонде, где впервые официально упоминалась фамилия Воронова как возможного покровителя схемы. Я следил за этим, сидя в своей квартире с бронированными окнами.

На четвертый день мне позвонил Илья Громов. Впервые его голос звучал не как лед, а как треснувшее стекло:

— Аркадий Борисович, вы выиграли. Господин Воронов готов принять ваши условия. Он подает в отставку по состоянию здоровья сегодня вечером. Дело Шелеста будет прекращено в связи с отсутствием состава преступления. Ваши счета разморозят, проверки прекратят. Мы просим только об одном: оригиналы папки остаются у вас и никогда не публикуются. Дайте слово.

— Слово адвоката, — ответил я и отключился. Слово адвоката — это как расписка дьявола. Его можно толковать по-разному. Но пока мне было выгодно соблюдать договор.

Вечером того же дня в новостях передали: глава ГСУ СК по Москве Воронов покинул пост. Официальная причина — проблемы с сердцем. Я смотрел репортаж, потягивая коньяк, и думал о том, что сердце у этого человека, вероятно, было из титана, но и титан плавится под давлением общественного мнения и внутриаппаратной борьбы.

Через два дня мне позвонил следователь Князев. Голос его дрожал от сдерживаемой ярости:

— Вы, Рихтер, думаете, что победили? Думаете, отмазали своего жулика? Ничего, я еще вернусь. Я до вас доберусь.

— Майор, — я зевнул, — запомните одну простую вещь. Вы воюете не со мной. Вы воюете с системой, которую сами обслуживаете. А система перемалывает таких, как вы, на завтрак. Лучше займитесь кражами велосипедов, там больше шансов на карьеру.

Я положил трубку. Грязная работа была закончена. Шелест, следуя моему совету, на время исчез за границу — под предлогом лечения в Израиле. Там он мог чувствовать себя в безопасности. Мой гонорар, конвертированный в криптовалюту, лег на защищенные кошельки. Я не жадничал: часть ушла на оплату услуг Петровича, на премии Лехе и ребятам из охраны дочери. Но основная сумма грела душу.

Эпилог

Прошел месяц. Москва вступила в март, грязный и слякотный, но уже с запахом весны. Я стоял у окна своего офиса и смотрел на тающие сугробы. В кабинете напротив, за бронированной перегородкой, Леха разбирал новый травматический «ТГ-3» — мой подарок за верную службу. Петрович настраивал систему видеонаблюдения с улучшенным распознаванием лиц. Жизнь возвращалась в привычное русло.

Телефон зазвонил. Номер был незнакомый, но городской, московский.

— Аркадий Борисович, — раздался взволнованный женский голос. — Меня зовут Елена, я секретарь депутата Государственной Думы Малышева. Вы, наверное, слышали о скандале с его фондом «Экология будущего»? Мы хотим пригласить вас для консультации.

Я усмехнулся. Новый день — новый клиент. Скандал с «Экологией будущего» гремел уже неделю: депутата обвиняли в хищении средств, выделенных на очистку Волги. Классический депутатский распил.

— Записывайте, — сказал я секретарю. — Консультация стоит сто тысяч. Полная защита — процент от суммы обвинения, но не меньше десяти миллионов аванса. Если вашего босса это устраивает, жду завтра в полдень.

Я продиктовал адрес «Убежища» и повесил трубку. Потом подошел к зеркалу, поправил галстук и улыбнулся своему отражению. Где-то в недрах системы, возможно, уже плели новую паутину. Но я был к этому готов. Моя броня — цинизм и знание закона. Мое оружие — компромат и умение ждать.

Я сел в «Аурус», и Леха плавно вывел машину в поток. Мы ехали в суд на очередное заседание по делу о растрате в администрации подмосковного города. Банальщина. Но именно из банальностей состояла моя жизнь.

Вдруг телефон пиликнул. Сообщение от дочери: «Папа, я скучаю. Приезжай в субботу на ужин, мама приготовит твой любимый борщ». Я напечатал: «Буду. Люблю вас». Это было единственное, что имело значение. Остальное — игра. А в игре я — Аркадий Рихтер. И я всегда оставляю за собой последнее слово.

«Аурус» въехал во двор типового районного суда. Я вышел из машины, поправил запонки и с улыбкой двинулся сквозь толпу журналистов, ожидающих нового громкого процесса. Новый день. Новая битва. И я снова готов танцевать

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.